

Предисловие

Владимиру Владимировичу
Домогацкому

Россия начала XX века дала миру двух выдающихся коллекционеров новой живописи — Сергея Щукина и Ивана Морозова. И хотя документы о покупках Морозова сохранились в целостности и сохранности, не он, а Щукин первым привлек внимание биографов. Трагическая семейная история с тремя самоубийствами, не помешавшая собрать невероятную по качеству коллекцию новой французской живописи, не могла не захватывать. К тому же в живых оставались старшие сын и дочь, которых успела расспросить первый биограф московских коллекционеров Беверли Уитни Кин. Главным героем ее книги *All the Empty Palaces*, вышедшей в 1983 году, стал Сергей Иванович Щукин и его страстное

увлечением искусством, тогда как Ивану Морозову, его брату-коллекционеру Михаилу и их куда более знаменитому кузену, оставшемуся к собирательству равнодушным, была посвящена лишь небольшая глава.

Невысокий, поджарый Сергей Иванович заслонил собой корпулентного Ивана Абрамовича. Достоинства морозовской коллекции мерили не иначе как по щукинской шкале. «Щукинский мастер», но — «с поправкой Морозова», как выразился русский критик Абрам Эфрос. Бесспорно, собрание Щукина, привозившего в Москву десятками полотна Дерена, Матисса и Пикассо, острее и радикальней морозовского. Зато в коллекции Морозова представлен практически весь диапазон не только французской, но и русской живописи рубежа веков, что и делает ее уникальной.

Как ни странно, ни в Европе, ни в Америке в те годы фактически не было коллекционеров, планомерно и целенаправленно собиравших новейшую французскую живопись. Интересы состоятельных американцев были сосредоточены исключительно на импрессионистах, а собирательская деятельность Альберта Барнса, оставившего своими массивными покупками великих русских коллекционеров далеко позади, начнется уже после Первой мировой войны.

Так что на заре XX века единственными «конкурентами» москвичей оставались Лео и Гертруда Стайн: уступая русским купцам в финансовых возможностях, брат с сестрой опередили их, став первыми покупателями Матисса и Пикассо. Стайны действовали спонтанно, влюблялись в художника, а потом разочаровывались, что в итоге привело к исчезновению их общей коллекции. Ивану Морозову, наверняка не упустившему шанс побывать в богемном парижском салоне американцев, досталась висевшая в студии на рю де Флёрюс *Девочка на шаре* Пикассо.

Русский коллекционер, в отличие от Стайнов, сначала осторожно присматривался к новому явлению,

а потом начинал скупать работы выбранного художника, не жалея на это средств. У Морозова словно изначально имелся не только список требуемых ему для полноты собрания имен, но и план развески для каждого направления и каждого большого мастера. Поэтому существовавшая как частное собрание морозовская коллекция, в которую до начала Первой мировой войны могли попасть лишь избранные, по сути была настоящим Музеем французского искусства начала XX века. Музеем, ни в чем не уступавшим Музею французских модернистов, собранному Сергеем Щукиным.

Иван Морозов скончался летом 1921 года в Карлсбаде, куда приехал поправить здоровье. Не выдержало сердце. Ему должно было исполниться 50 лет. Жена с дочерью собирались увезти тело в Париж, но что-то этому помешало, и Ивана Абрамовича похоронили на местном кладбище. С годами мрамор почернел, русские буквы стали читаться с трудом.

О Морозове вспомнили в конце 1960-х, когда картины Моне, Ренуара, Гогена, Сезанна, Ван Гога, Боннара, Дерена, Матисса и Пикассо из коллекции знаменитого тандема Щукин — Морозов начали странствовать по миру. Фамилия «Морозов» в этой паре всегда шла второй, хотя русский алфавит предписывал иной порядок. Коллекционеры расположились по старшинству: Сергей Иванович числился первым, а Иван Абрамович, появившийся на свет 17-ю годами позже, следовал вторым. Так они и остались в памяти потомков, словно сиамские близнецы: говорим «Щукин» и сразу же хочется добавить «Морозов». А все из-за того, что их коллекции — схожие, но при этом такие разные — сначала соединили, а потом перетасовали между двумя музеями, словно карточную колоду, оставив одну часть в Пушкинском музее в Москве, а другую отправив в Эрмитаж, попутно изничтожив всякое упоминание о двух величайших собирателях искусства модернизма, которых дала Россия XX веку.

Щукину повезло больше. Если можно назвать везением без малого 20 лет тихой эмигрантской жизни и смерть перед войной в кругу любящей семьи в Париже. Дети не примирились с печальной судьбой отнятой у них коллекции. Младшая дочь Ирина заявляла права на картины отца и писала первому российскому президенту, требуя признать национализацию коллекции незаконной, но безуспешно. Ее сын тоже не считал национализацию законной, но принял ее. Он сделал все от него зависящее для прославления имени своего великого деда: триумфальный успех выставки в фонде Louis Vuitton «Шедевры живописи. Собрание С. И. Щукина» («Icônes de l'art moderne. La collection Chtchoukine»), побившей все рекорды — 1 миллион 200 тысяч посетителей! — вернул коллекционеру с труднопроизносимой русской фамилией полагающееся ему по праву место в истории культуры XX столетия.

О втором значительном московском коллекционере — вернее, о двух братьях Морозовых — на родине мало кто вспоминал, да и на Западе с трудом отличали Ивана от Михаила, путая их со знаменитым кузеном Саввой Морозовым.

Пятнадцать лет тому назад правнук Морозова Пьер Коноваловф, прочитав мою книгу о жизни и коллекции Сергея Щукина, попросил написать и о его собственном прадеде. Трагическое лицо Ивана Абрамовича, смотревшее с последней, сделанной уже в эмиграции, фотографии, все стояло у меня перед глазами, когда я вышла из крохотной парижской квартирки на рю Бусико. Сепия придавала ему какой-то желтушности, отчего он на этом выцветшем фото выглядел смертельно больным. Его потухший взгляд невозможно было забыть.

Но как рассказать о человеке, от которого осталась выгоревшая фотокарточка, два живописных портрета и одно-единственное интервью? После старшего брата-погодка Михаила сохранились хотя бы книги и критические статьи, написанные в пору увлечения историей,

вкуче с язвительными воспоминаниями современников. У Ивана же не найти ни одного письма, по которому можно было бы хоть как-то представить его характер; сплошные счета, деловые бумаги да каталоги парижских Салонов с карандашными пометками «недурно», «неважно» и «так себе». Даже написанные Анри Матиссу и Морису Дени письма — и те больше смахивают на служебные записки, даром, что почти все они выведены каллиграфическим почерком секретаря директора «Товарищества Тверской мануфактуры бумажных изделий».

Как выглядели залы закрытого для посторонних глаз особняка-музея на Пречистенке, тоже неизвестно, кроме разве что Музыкального салона, декорированного Морисом Дени. Фотопортретов Ивана Морозова не сохранилось, только карточки, на которых он запечатлен в кругу многочисленных родственников. Стоит ли этому удивляться, если даже точная дата его рождения до последнего времени не была установлена, а могила затерялась...

По счастью, метрическое свидетельство с датой рождения нашлось в одном из архивов. После многих лет поисков обнаружилась и могила. Я написала не одну, а две книги о Морозове, но многое в его коллекционерской судьбе от меня ускользнуло, и вот я решила вернуться к своему герою вновь.